

СОВРЕМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК И ГРАНИ ЕГО БЫТИЯ

Человеческая природа отличается разнообразием и непостоянством. Можно указать на одно уникальное свойство человека: открытость, незавершенность его как создания. В отличие от других существ он способен преодолевать собственную видовую ограниченность, быть частью живого мира и возвышаться над ним. В этой особенности – удивительное и существенное своеобразие человека.

Философ эпохи Возрождения Пико делла Мирандола в «Речи о достоинстве человека» обрисовал человеческое существо как создание по природе неуловимое и безгранично пластичное. Человек, по его убеждению, своего рода «хамелеон», способный имитировать все живые формы как вверху, так и внизу, как ангельские, так и демонические. Человек, говорит нам мыслитель, это не закрытый сосуд, но открытая дверь.

«Тогда согласился Бог с тем, что человек – творение неопределенного образа и, поставив его в центр мира, сказал: «Не даем мы тебе, о Адам, ни своего места, ни определенного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность, ты имел по собственному желанию, согласно своей воле и своему решению. Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю. Я ставлю тебя в центре мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире» [1].

Для возрожденца состояние бытия – отнюдь не то, чем оно было для ортодоксального христианства и ортодоксального гуманизма: жестко предписанным выбором между двумя непроницаемыми отсеками – абсолютной добродетели и абсолютного зла. Природы – против милосердия, разума – против иррационального, здоровья – против болезни. Пико призывает нас взглянуть на себя как на гигантский спектр возможностей, неизученные сферы которых включают богоподобное столь же, как и дьявольское.

Идея человеческой природы как незавершенной возможности, проявляющейся в бесконечных вариациях необычного, специфического бытия, жизни как приключения саморазвития, в ходе которого несовершенство оказывается благодатным свойством, изъян превращается в достоинство, а несомненное благо оборачивается злом, – таков, по мнению П.С. Гуревича [2], возможный подход к осмыслению проблемы уникальности человека.

Именно в этом теологическом смысле человека можно назвать венцом природы как богоподобного существа. «Человек стоит в середине между двумя противоположными бесконечностями, бесконечностью в великом и бесконечностью в малом. Он есть средоточие обоих миров – великого и малого; он первенец и венец природы» [3].

М. Шелер выделил пять антропологических образов человека: 1) европейско-христианскую доктрину (*homo religiosus*); 2) антично-греческую (*homo sapiens*) – человек разумный; 3) натуралистическую (*homo naturalis*); 4) теорию декаданса (*homo degeneratus*) – угасающий человек; 5) концепцию сверхчеловека (*homo super*) – самосовершенный человек (в основе – ницшеанский поиск сверхчеловека) [4]. Другие мыслители дополнили эту схему образов человека. К. Маркс и Н. Бердяев обратили внимание на человека как создателя труда (*homo faber*), Э. Кассирер говорил о человеке символическом (*homo symboliens*) на основании такого свойства человека, как воображение, о способности человека производить символы [5]. Г. Гессе и Й. Хейзинга, акцентируя внимание на культурологическом аспекте развития человечества, отметили человека играющего (*homo ludens*). Некоторые исследователи, занимающиеся философской антропологией (С.И. Бэлзе и др.), обращают внимание на то, что человека разумного с появлением письменности и книгопечатания усиливает человек читающий (*homo legens*) [6].

Добавим, что все эти грани человека пронизаны творчеством, ибо невозможно ни мыслить, ни трудиться, ни играть, ни читать, не подключая творчества, и потому философы (например, В.С. Поликарпов и В.А. Поликарпова [7]) выделяют тип человека творящего (*homo creator*). Человек постоянно сталкивается с множеством задач, для решения которых требуется исключительно творческий подход. Растет конкуренция. И производителей, и придирчивых потребителей материальных и духовных благ уже не устраивает роль пассивно ожидающих. Компании – вне зависимости от их величины и сферы деятельности – стремятся внедрять новые методы производства, управления, маркетинга. За творческим человеком – будущее.

В XX в. мир встал перед необходимостью разрешения конфликта между общественным характером производительных сил и частнокапиталистическими производственными отношениями.

Свой выбор революционная Россия совершила в 1917 г., встав на путь конфискации и национализации собственности буржуазии, помещиков, коллективизации крестьян и создания государственной социалистической собственности. Были сделаны первые шаги по осуществлению социальных программ. Однако в результате последующих деформаций политической надстройки и массового насилия утвердилась тоталитарная государственная собственность в форме ведомственных супермонополий (наркоматы, министерства, военно-промышленный комплекс). Фактически сохранилось и углубилось отчуждение трудящихся от средств производства и результатов труда. Народное хозяйство вступило в полосу застоя, а затем и кризиса, что явилось следствием несоответствия производственных отношений потребностям производительных сил, и особенно самого человека в условиях научно-технического прогресса.

Выбранные средства и формы социального действия не привели к желаемой цели. На рубеже 80-90-х гг. страна оказалась снова перед выбором. Необходима была всесторонняя демократизация общества, рывок к новейшим технологиям, гласность, обновление духовной жизни.

Однако не все политические и экономические преобразования оказались адекватными социальным потребностям. То, что назвали «перестройкой», привело в итоге к разрушению единого государства, к затяжному экономическому кризису, политическим коллизиям и национальным конфликтам. Возникло состояние, именуемое социальным цвишенизмом (от нем. *Zwischen* – между), «междубытием». К подобным состояниям Ю.А. Харин и его сподвижники [8] относят формационные и цивилизационные разломы, эпохи революций и контрреволюций, социальную маргинальность (статусная неопределенность групп и слоев общества), кризисы, войны, периоды резкого обострения социальных противоречий (демографических, межэтнических, конфессиональных, классовых, экологических и др.).

Философские и социальные измерения цвишенизма дополняются обозначенными в терминах синергетики характеристиками. Состояние цвишенизма, как справедливо утверждает А.Ф. Яцкевич [9], непременно содержит в себе моменты хаоса, нестабильности, случайность и дезорганизацию. К тому же социальный цвишенизм означает доминирование спонтанности в человеческих действиях, существенное ослабление управленческого начала, возрастание девиации (проявление отклоняющегося поведения) и криминализации; возможное возникновение очагов харизмы с выполнением ими разнообразных функций.

В подобных условиях формируются в качестве личностной доминанты особые свойства человека, позволяющие в своей совокупности охарактеризовать его как *Homo zwischens*. Здесь допущена некая лингвистическая вольность. Обычно человек наделяется латинскими предикатами; к названным уже нами *homo sapiens* и *homo ludens* можно добавить *homo pulcher* (человек прекрасный), *homo negans* (человек отрицающий), *homo esperans* (человек надеющийся) и т.п. В данном же случае человек конкретизируется немецкой номинацией. Однако важно существо дела. А оно в том, что среди десятков и сотен общелюдских образов становится особо актуальным в кризисные периоды познание цвишенистской ипостаси человека.

С философской позиции человек по природе своей существо цвишенистское. Историко-философская мысль всегда фиксировала факт его междубытия: между земным и небесным (Августин), между телом и духом (Декарт), между экзистенцией и трансценденцией (Ясперс), между «Оно» и «Супер-Эго» (Фрейд), между индивидуальным и общественным (Маркс), между символами и реалиями (Кассирер). Существенный штрих внес М. Бубер, отметивший, что состоянием «между» порождается сам человек. Ведь фундаментальным фактом человеческого существования является ситуация «человек с человеком». «Между» – это не вспомогательная конструкция, но истинное место и носитель человеческих событий. Уместно здесь также обратить внимание еще на одно существенное обстоятельство. А именно – столь важное для понимания человека выражение, как «интерес», происходит от латинского *interesse*, что значит «помещаться между». А ведь именно интересами живет и побуждается к социальным действиям человек.

Во времена социального цвишенизма то, что у людей таится в антропологических глубинах, может стать экзистенциальной доминантой, трансформирующей человеческую тотальность в одномерность существа хомо цвишенс. Безусловно, требуются специальные исследования, но уже сегодня могут быть выявлены некоторые определяющие черты этого «хомо». Поставим вопрос: что же возводит сапиенса в статус хомо цвишенса?

Прежде всего, по обстоятельствам нестабильности своего существования хомо цвишенс ввергается в особые психические переживания, воспринимаемые нравственной личностью как угроза внутренних духовных устоев, вынужденное изменение интересов, «переоценка ценностей», отсутствие целей и смысла жизни; зачастую возникает безразличие, апатия, агрессивность и озлобленность.

Хомо цвишенс – это человек ценностно и идеологически дезорганизованный, легко поддающийся суггестии и социальному манипулированию, утративший чувство критичности и иммунитет против осуществляемой средствами массовой информации идиотизации общества, склонной к принятию новых догм и усвоению старых суеверий.

Хомо цвишенс – это оказавшийся перед выбором, колеблющийся, сомневающийся человек, вынужденный в атмосфере неопределенности принимать рискованные решения. В тисках индивидуального цвишенизма выбор ищется между альтернативами «своих» и «чужих», «частного» и «общественного», страха и долга, эгоизма и соборности, мужества и предательства.

Хомо цвишенс – человек, воздерживающийся от поступков, непоследовательный в социальных действиях, способный как «человек-масса» к немотивированным деструктивным акциям.

Преодолеть дискомфортное состояние цвишенизма человек может, лишь обратившись к ценностям Возвышенной экзистенции, к продуктивному творчеству или к религиозной вере. Общество же находит выход, воспринимая императивы конкретного практического-действенного гуманизма как искомую в наши дни «государственную» идею.

Цвишенизм постсоветских реалий порождает необходимость непосредственного социального выбора в современных альтернативах: «Запад – Восток», «Золотой миллиард – остальное человечество», «техногенная цивилизация – традиционное общество», «цивилизация – варварство», «капитализм – социализм», «тоталитаризм – демократизм» и подобное. Историческая действительность включает опыт разных стран и отдельных людей, совершающих свой выбор того или иного способа и форм социального действия по обновлению производственных и всей системы общественных отношений в связи с объективной необходимостью их соответствия развитию производительных сил, разрешению глобальных проблем человечества.

Библиографический список

1. Эстетика Ренессанса: в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 249.
2. Гуревич П.С. Философская антропология. М., 1997. С. 79.

3. Антонович М.А. Единство физического и нравственного космоса // Мир философии: Кн. для чтения. М., 1991. Ч.2. С. 40.
4. Человек и история // Человек: образ и сущность. М., 1991. С. 133-160.
5. Кассирер Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в Западной философии. М., 1988. С. 28.
6. Человек читающий. Homo legens. Писатели XX века о роли книги в жизни человека и общества. М., 1989.
7. Поликарпов В.С., Поликарпова В.А. Феномен человека - вчера и завтра. Ростов-на-Дону, 1996. С. 130-140.
8. Философия для студентов вузов / Под общей редакцией проф. Ю.А. Харина. Минск, 2000. С. 279-281.
9. Там же. С. 279.